

120
16
255

Товарищу С Т А Л И Н У.

Посылаю записку т.Кекс присланную мне секретарем парткома Краматорского завода т.Шевченко.

Т. Петерс припоминает, что он действительно разбирал в свое время заявление Кекс и она была принята тогда т.Лениным.

Е Ж О В.

(2.4)

121
256
М. Пешере
H

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ -- т. ЕЖОВУ.

По записке т. КЕКС могу сообщить следующее: Я вспоминаю очень смутно, что в конце 1918 г. т. Авачесов, который в то время был одним из секретарей ВЦИК и одновременно работал в ВЧК, просил меня привлечь к ответственности какую-то гражданку, которая, якобы, распространяет контрреволюционные разговоры о Енукидзе. Передал-ли он мне заявление, о котором говорит Кекс и была-ли автор частящего письма подательницей того заявления - я не помню. Но я помню, что в результате нашей беседы с ней она мною к ответственности привлечена не была и я это дело направил не то т. Свердлову, не то т. Лечичу, предварительно переговорив с Енукидзе. Если Кекс утверждает, что Лечич ее вызывал, то, наверное, то заявление было направлено мною т. Лечичу, по всей вероятности после телефонных переговоров с ним. В 1918 г., особенно после эсэровского восстания, не было почти ни одного дня, когда Лечич не звонил-бы в ВЧК или т. Дзержинскому, или мне, не информировался бы о делах и ему сообщались и посылались все важнейшие материалы.

Если сочтете необходимым это дело расследовать, то, по моему, можно попытаться разыскать заявление Кекс в архивах и путем личных разговоров с ней восстановить в памяти все это дело более ясно.

/ПЕШЕРЕ/.

4.УШ-35г.

Пешере

202/752/с

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/.

122
257

тов. ЕНОВУ

Посылают Вам, полученное на мое имя заявление
от члена партии тов. КЕКС.

С КОМ.ПРИВЕТОМ.

СЕКРЕТАРЬ ЗНК КРАМАТОРСКОГО
МАШИНОСТРОИТ.З-ДА ИМ.СТАЛИНА

/ШЕВЧЕНКО/

Шевченко

г.Краматорск.

24/VI-35 г.

е.еж

123
258

В связи с исключением ЭНУКИДЗЕ из партии, считаю своим долгом поставить Вас в известность о некоторых фактах из прошлого, догущих дополнительно характеризовать ЭНУКИДЗЕ.

В начале революции я работала воспитательницей детей у крупного спекулянта РАВИНОВИЧА. К нему часто заходил близким его знакомым некий КОМАРОВСКИЙ бывший директор Тифлиского банка и владелец санатории "Воробьевы горы".

После октябрьского переворота эта санатория стала пристанищем настоящим контрреволюционным гнездом. Под видом больных находились царские офицеры, в складах хранилось оружие — все это готовилось для восстания против советов. Все это я узнала от семьи РАВИНОВИЧЕЙ которые считали меня "своей". Я же сообщила совету рабочих депутатов, однако все осталось по старому. К КОМАРОВСКИМ часто приходил в гости одетый в форму военного советской армии некто НАВЕЛ ДАВИДОВИЧ МИСХИЗ (или МИСХИДЗЕ) который часто в беседах упоминал о своем приятеле ЭНУКИДЗЕ. В семьях РАВИНОВИЧЕЙ и КОМАРОВСКИХ шли разговоры о выезде за Границу или в районы занятые белогвардейцами. МИСХИЗ не раз обещал им через приятеля ЭНУКИДЗЕ достать необходимые документы и тем самым выехать, как они говорили из совдепии. Свое слово он сдержал. Необходимые к выезду документы были приготовлены (как я слышала в то время благодаря такой помощи многим буржуам удалось выехать из Москвы в международных вагонах уезжая с собой разные ценности (между прочим в семья РАВИНОВИЧЕЙ очень часто вспоминали не только ЭНУКИДЗЕ но и КАМЕНЕВА, БОИГ-БРУВВИЧА это мол те к кому можно обратиться за помощью. В частности я утверждаю, что в 1918 г. крупная буржуазия с которой мне приходилось сталкиваться считала ЭНУКИДЗЕ замечательным человеком. Летом 1918 года мои хозяйка собирались ехать в Киев предложили поехать вместе с ними и мне. Я посоветывалась с моим братом коммунистом и мы решили информировать ЦК, а мне дать согласие о выезде — с тем что-бы не вызвать подозрения. Я только спросила РАВИНОВИЧЕЙ а не арестуют ли нас, на что они мне ответили " мы получили такой документ при котором никто не посмеет зайти в вагон. Лишь бы выехать из Москвы. На кануне отъезда одна из родственниц принесла для передачи в Киев письмо с просьбой быть осторожными, ибо это письмо для связи с белыми офицерами, я сама зашивала это письмо в рукав хозяйки.

На машинах из гаража ВЦИК"а мы выехали на Брянский вокзал вошли в специально приготовленный вагон где и были все арестованы представителями ЦК. нас отвезли на Лубянку. Меня с девочкой отпустили домой. Когда я передала КОМАРОВСКИМ о аресте РАВИНОВИЧЕЙ то последний немедленно позвонил приятелю ЭНУКИДЗЕ. Прибывший МИСХИЗ позвонил ЭНУКИДЗЕ — примерно так "Выезд неудачный, надо немедленно принять меру, буду у тебя в Кремле". При свидании с хозяйкой я спросила о судьбе письма, она мне сообщила что с письмом все улажено, причем тутже показала мне на одного служащего который мол помог

129
259

уладить ее с письмом. С этим служащим я в последствии работая в Кремле в качестве зав. столовой ВЦИК узнала ВЕЛЕНЬКОГО. 12/4-1918 г. я поступила на вышеуказанную должность в Кремль и однажды в столовой ВЦИК я встретила П. Д. МИСХИСА, который не меньше меня был удивлен такой встречей. Он заговорил со мной, как со старой знакомой. Я спросила, часто ли он бывает в Кремле. "Почти каждый день" отвечает он мне. Рассказал мне, что он старый революционер, левый эсер и, что он и ЭНУКИДЗЕ большие друзья.

Я спросила, как живут КОМАРОВСКИЕ и РАВИНОВИЧИ? Оказывается они все-же выехали и как выразился МИСХИС "с такими удобствами, с какими сейчас может ехать только ЛЕНИН". Узнав о таком контрреволюционном поведении ряда лиц помогающим врагам революции, я написала подробное заявление и передала его пред. ВЦИК тов. СВЕРДЛОВУ. В этом заявлении я обвиняла ЭНУКИДЗЕ в ~~Кришине~~ помощи врагам советской власти. тов. СВЕРДЛОВ в это время был на фронте и мое заявление было передано тов. АВАНЕСОВУ. Вернувшись из мимского фронта тов. СВЕРДЛОВ заболел и умер - предполагая, что мой материал в руки СВЕРДЛОВУ попал и видя, что меня никто не вызывает я сама пошла к тов. АВАНЕСОВУ. Выслушав меня тов. АВАНЕСОВ очень строго спросил меня. Понимаю-лия что я делаю, и начал мне так-же строго объяснять, что мое заявление оскорбляет советскую власть, что ЭНУКИДЗЕ есть член правительства и т.п. И все-же я ему известила что ЭНУКИДЗЕ является другом контрреволюционной буржуазии, а потому он наш враг. И рассказала ему еще раз о документах выдаваемых буржуазии на выезд с бриллиантами и золотом, о международных вагонах и машинах из гаража ВЦИК"а которые предоставляли ряду наших бывших врагов после чего тов. АВАНЕСОВ вынул ЭНУКИДЗЕ и предложил ему поговорить со мной относительно моего заявления. ЭНУКИДЗЕ пригласил меня к себе в кабинет. Я явилась к нему совместно с тов. КАЛЕНИНЫМ очевидно он и сейчас работает в Кремле. ЭНУКИДЗЕ встретил меня очень резко, в повнешнем тоне заявил, что он знает хорошо РАВИНОВИЧЕЙ и КОМАРОВСКИХ и что они достойны той помощи которая им оказана. На то я ему также резко заявила, что не место ему (ЭНУКИДЗЕ) сидеть в правительственном кабинете, а там где сидят КОМАРОВСКИЕ и РАВИНОВИЧИ. После такого ответа ЭНУКИДЗЕ выгнал меня из кабинета. Повторяю при этом разговоре присутствовал тов. КАЛЕНИН ^{он}. Спустил некоторое время я была вызвана к ПЕТЕРСУ в руках у него я увидела мое заявление. ПЕТЕРС мне заявил, что ЭНУКИДЗЕ допустил небрежность поверив своим приятелям которые его обманули и указал мне как члену партии на то, что я не права когда оцениваю ЭНУКИДЗЕ как врага, советской власти. С этим я и ушла от тов. ПЕТЕРСА. И вдруг совершенно не ожидая меня вывели к тов. ЛЕНИНУ, Владимир Ильич улыбаясь спросил меня с какого времени я состою в партии на мой ответ, что нет еще года, Ильич все так-же улыбаясь ^{сказал} мне, хотя в партийном отношении Вы еще младенец но у Вас хорошее и здоровое партийное чутье, а это очень важно для члена партии. Я Вас вынул по поводу вашего заявления относительно тов. ЭНУКИДЗЕ. Мне бы не хотелось, что-бы у молодого члена партии осталось такое плохое мнение о ЭНУКИДЗЕ, как о враге советской власти. Вы поступили совершенно правильно, что написали о том, что казалось Вам является преступным по отношению к советской власти. Так должен поступать коммунист всегда, ЭНУКИДЗЕ совершил грубую преступную ошибку, но он не враг советской власти. Вы мне

125
25
200

Будучи чрезвычайно растроганной от такой неожиданной и теплой встречи с любимым Ильичем, я ответила я Вам верю тов. ЛЕНИН. Простите если я была очень груба по отношению к тов. ЭНУКИДЗЕ. Владимир Ильич весело улыбнулся и сказал. Нет нет, это ничего Вы были правы.

Вот почти и все что я вспомнила сейчас спустя 17 лет. Читая в газете о исключении ЭНУКИДЗЕ из партии мне казалось, что я обязана написать все то, что лично знаю о прошлых ошибках ЭНУКИДЗЕ.

С КОМ. ПРИВЕТОМ /КЕКС/.